

Остаться в живых на одной планете –
вовсе не означает победить смерть

ПРЕДЕЛ – ТОЛЬКО НЕБО

КНИГА I. ЗЕМЛЯ

Светлана Наумова

12+

Светлана Наумова

**Предел – только
небо. Книга 1. Земля**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Наумова С.

Предел – только небо. Книга 1. Земля / С. Наумова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99317-4

Идея книги заключает в себе взгляд автора на экологическую катастрофу на планете Земля. Не каждому человеку достался счастливый билет в новую жизнь на другой планете. Главные герои книги – счастливики, которых пощадила судьба и оставила в живых после ряда мощных ударов космических тел, падающих астероидов и извержений от раскаляющегося ядра планеты Земля. Нелегкое путешествие от места трагедии до космодрома ожидает группу выживших ребят, на пути которых основным препятствием становится сама природа.

ISBN 978-5-532-99317-4

© Наумова С., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Светлана Наумова

Предел – только небо. Книга 1. Земля

Глава первая

Время – это тот ресурс, который неподвластен человеческому существу. Все мы существуем в его потоке. Как правило, оно летит, и его невозможно остановить или угнаться за ним. Его ход непрерывен. Оно безостановочно течет, и бытие людей меняется. Сегодня все иначе – сегодня фокус времени направлен в одну точку, течение жизни замедлилось, движение людей прекратилось. Поэтому я безотрывно стою в многокилометровой пробке на хайвее Шоссе Энтузиастов.

Если заглянуть в прошлое на лет десять назад, то можно с уверенностью утверждать: народ расходовал свой бесценный ресурс, тратя его на дороги. В 2045 году движение заметно улучшилось: люди перестали терять время, передвигаясь из одной точки мегаполиса в другую. Ситуация стабилизировалась после того, как правительство Москвы и Московской области отдало приказ о строительстве двухуровневых шестиполосных хайвеев. Дороги стали намного свободней и шире. Что происходит в этот обычный летний день? Я не знаю. Только мой электромобиль продолжает стоять на месте без движения.

Со мной в электрокаре находился самый важный член моей семьи – моя младшая сестренка Лили. Забирать ее каждый будний день после занятий в летней школе было моей обязанностью. Солнечный ребенок с темными длинными волосиками и светло-зелеными глазками сидел на заднем сиденье в детском кресле.

– Видимо, нечто серьезное случилось на дороге, – задумчиво произнесла Лили. – Как думаешь, Анна, что могло произойти? – задавала она вопрос с затаенным трепетом.

– Может, хомячки переходят через проезжую часть, – отшутилась я, поворачивая голову в сторону ребенка. Лили захихикала, озаряя электрокар ребяческим смехом. Ее ангельские глазки лучились детской наивностью. Поистине необыкновенный человек. Я кивнула ей очень быстро, сморщив нос, чтобы соорудить смешную рожицу.

Жара в это лето 2057 года была невыносимой. Кондиционеры часто выходили из строя и не всегда являлись спасением для человека. По панели телевидения и радиоклику постоянно вещали о так называемом резком увеличении средней температуры воздуха в атмосфере в ближайшем будущем, которое спровоцирует впоследствии катаклизм на планете и приведет к возможному ее разрушению или полному исчезновению. Из года в год люди верят и ждут глобального потепления. Ждут – и продолжают жить.

Изнемогая от беспощадных лучей солнца, обжигающих даже через тонированное стекло электрокара, я продолжала смотреть в одну точку на трассе – впереди стоящий электромобиль. Картина перед глазами не менялась уже несколько часов. Периодически вытирая тыльной стороной руки лоб и шею, я делала тяжелые вдохи-выдохи и отчетливо слышала, как томится от духоты сестренка. Лили посмотрела на меня измученным взглядом и протянула салфетку, чтобы я освежила лицо.

– Спасибо, солнышко, – одарила я сестру чуть кривоватой улыбкой и кивком головы в знак благодарности.

По радиоклику снова начались новости – значит, прошел еще один час. Но на сей раз не так долго мужской голос вещал о необратимых действиях республиканцев в США и смывом побережье Гавайев – вдруг начались помехи, и вскоре звук стих. Радиоклик замолчал, а следом за ним пропал сигнал навигационной системы. Теперь это была просто карта, которая не показывала даже местоположение.

– Алиса, что случилось на шоссе Энтузиастов? Почему пропал сигнал геолокации? – задала я вопросы искусственному интеллекту, нажимая на панели кнопку активации.

– Нет информации. Данные со спутника не поступают. Геолокация недоступна, – монотонно отвечала система женским голосом короткими предложениями.

Не получив ответ после трехчасового нахождения в кресле автомобиля без движений, я, чувствуя медленно нарастающий гнев, отстегнула ремень безопасности и вышла на улицу. Знойный горячий ветер вмиг полоснул своими острыми когтями, истязая тело и изнуряя голову. На солнце было страшно смотреть: оно становилось красным, словно горело изнутри. Я осмотрелась по сторонам, немного прошла вперед в надежде выяснить через общение с людьми, в чем причина столь длительного затора на хайвее. Да только ничего в радиусе видимого мне километра не менялось: шесть рядов электромобилей по одну сторону и шесть рядов электромобилей в обратном направлении застряли в одной точке времени и пространстве. Жители мегаполиса были дезориентированы. Некоторое время я наблюдала, как разозлившийся народ покидает электрокары, ругается и возмущается. Но озлобленное поведение и негативный настрой не решили проблему: дорога по-прежнему мертво стояла.

Смахнув капельки пота с лица и шеи, в состоянии неспособности дышать ровно, словно удушали меня намеренно, я вернулась в электрокар, по привычке активируя ремень безопасности. Панель загорелась. Толку от нее не было никакого, поэтому я решила отключить автоматический режим управления электромобилем.

– Алиса, настроить панель на ручное управление транспортом. Отключить датчики движения и фиксации преград. При остановке электромобиля и прекращении работы двигателя настройки не сбрасывать до ввода пароля «1, 3, 5».

– Ручное управление активировано до ввода пароля. Датчики дезактивированы.

– По-прежнему нет никаких данных со спутников?

– Спутники отключены. Информация недоступна.

По окончании короткой беседы с искусственным интеллектом я постаралась вывернуть руль вправо, чтобы выехать на аккуратно выстриженный газон и попробовать двигаться вдоль него. Я понимала все риски последствий нарушения дорожных предписаний; знала, что попаду в поле действия камер магистральной автодорожной патрульной службы, отчаянно надеясь, что они не работают в связи с коллапсом в системе и отключением спутников; смирилась с лишением лицензии на вождение без суда и следствия. Но стоять на месте уже более трех часов стало совершенно невыносимо. Немыслимо!

– Солнышко, держись крепче за сиденье! – приказала я сестре, не поворачивая головы в ее сторону.

Съехав с основной магистрали, я пересекла разделительную полосу, предназначенную для вынужденных остановок электротранспорта, и выехала на газон, медленно объезжая ямы, кусты и карликовые деревья. Несказанно повезло, что электромобиль у нас был с высокой подвеской – первоклассный экоджип марки «Лендровер»; высокоманевренный электрокар ловко миновал препятствия.

Я проехала какое-то расстояние, двигаясь параллельно хайвею. Постепенно кусты начали сменяться деревьями – мы въехали в парковую зону с густой растительностью и зеленью. Останавливаться я была не намерена, но и двигаться быстро мне не позволял грунт. Поэтому пришлось уменьшить скорость до тридцати километров в час и в спокойном темпе продолжать движение. Казалось, я находилась в игре, в которой должна первой добраться до финиша. Занятия картингом многому меня научили: владеть ситуацией и не бояться извилистой дороги, резких поворотов и преград.

Пока я прокладывала нам колею по парковому газону, маневрируя то влево, то вправо, стала замечать в боковые зеркала электрокара, что последователей-нарушителей оказалось не

так мало – вскоре образовалась еще одна полоса из электромобилей, каждый из которых рисковал потерять лицензию.

Увлекательная дорога с препятствиями немного ободряла меня. Интерес мой подрастал с каждой следующей секундой увливания от столкновения с очередной преградой. Лишь неожиданно раздавшийся видеовызов на передней панели электромобиля сбавил обороты адреналина и отвлек от маневрирования, электрокаров и деревьев.

– Привет, мам! – поздоровалась я, возвращаясь из своей игры в гонки в реальность.

– Привет, Анна! – торопливо отозвалась мать, отображаясь голограммой. – Только что смотрела новости по телепанели, – будто бы с отдышкой говорила она. На лице показалось волнение. – Что-то невероятное происходит на планете.

– Ты права, – присвистнула я. – Мы уже более трех часов стоим в огромной пробке на шоссе. Отключены все спутники по какой-то причине.

Голограмма начала мерцать, голос – сбиваться.

– Мам, у тебя все в порядке? – спросила я озадаченно, стараясь произвести небольшие настройки на панели экрана видеовызова.

Через секунд двадцать до нас долетели обрывки ее фраз:

– ...не так... сестру... люб... дети.

Изображение исчезло, связь прервалась, но я упорно пыталась набрать номер матери снова и снова. В ответ слышала одни и те же слова: «Вне зоны локации».

– Алиса, почему не работает видеоконтактная связь телеконференции? Может, с электрикой в электрокаре не все в порядке?

– Сбоев в электромобиле не наблюдаю. «Лендровер» работает в штатном режиме. В связи с отсутствием данных со спутника нет возможности соединения по видеоконференции или передачи голосовой информации через контакт.

Лили начала нервно ерзать на сиденье, особенно после того, как уловила некую озадаченность на моем лице, появившуюся в результате отсутствия возможности соединения через конференцию, неспособности войти в сеть Интернет и неполученной информации от искусственного интеллекта. Несмотря на открытый интерес со стороны ребенка, вопросов сестра не задавала. Сосредоточившись на передней панели видеовызова, я сделала еще одну попытку соединиться по видеоконференции с матерью, но, не успев дожидаться очередных слов: «Вне зоны локации», увидела в зеркало заднего вида свое потускневшее от неожиданности лицо, испуганные круглые зеленые глаза и необъятное покрывало пыли, смешанное с еще какими-то объектами, несущееся сзади прямо на нас. Глотая долю ужаса, я резко нажала на педаль тормоза, схватила голубую кофточку сестры и бутылку с водой, чтобы полить на лицо и смочить ткань.

– Лили, быстро перелезай на переднее сиденье! – приказным тоном потребовала я от сестры, наблюдая, как облако дыма, пыли и каких-то предметов вальсирует в воздухе позади электромобиля и с невероятной скоростью приближается к нам.

Сестренка молниеносно отстегнула ремень детского кресла и перекинула ноги вперед, затем ловко схватилась за мое плечо и, словно пантера, прыгнула на переднее сиденье. Ее глаза едва уловили момент, когда какой-то электрокар взлетел вверх по воздуху, отчего задрожала и умоляюще вцепилась в мою руку, будто искала в этом действии спасение.

С помощью отпечатка пальца, штрихкода и чипа я выключила питание электромобиля. Страх озадачивал и направлял. Благодаря его силе и широкому молниеносному распространению я уже оторвала от своей белой рубашки кусок ткани, наспех полила на нее воду из бутылки и просунула материю сестре.

– Прижимай к носу и держи как можно крепче, – с эмоцией испуга на лице и в голосе настаивала я, стараясь хоть немного подавить тревогу внутри себя ради сестры, у которой рас-

ширились от неожиданности зрачки и выступила испарина на лбу. Не от жары – от ледящего демона ужаса, лавой окатившего ребенка с головы до пят.

Лили кивнула головой и посмотрела на меня умоляющим взглядом. Я моргнула одними ресницами, подтверждая ее самые страшные опасения. Потом наспех вылила из бутылки на ладонь еще немного воды и обтерла лицо сестренки. Следом повторила процедуру на себе. Показывая Лили, что девочка должна делать с кусочком мокрой ткани, я прислонила кофту к носу, почти закрывая лицо целиком.

– Милая, закрой глазки и согнись, – почти спокойным тоном в данной ситуации попросила я, ощущая, как пламенный пожар внутри разрастается; и погладила сестренку нежно по волосам, потому что не знала, переживем ли мы этот вихрь, столь целеустремленно мчащийся на нас. Вибрация шла по полу машины – земле, заставляя дорогу изгибаться, проваливаться и трещать. Мы наблюдали, как некоторые электромобили с пассажирами будто исчезали в недрах земли, некоторые взлетали ввысь – скорее от того, что асфальт огромными кусками вставал ребрами кверху. И лишь некоторым судьбоносно повезло, словно была дарована награда свыше – остаться нетронутыми в своих электромобилях на прежнем месте.

Лили свернулась калачиком на сиденье, сильно от страха зажмурила глаза и прислонила кусок ткани от моей рубашки к носу; все, как я ей и показала.

– Умничка! – подбадривала ее я, повернув голову в сторону заднего стекла.

Страх кровавыми щупальцами сковал мои движения. Дрожь змейкой бегала по всему телу. Последнее, что я помню: я отстегнула ремень безопасности, закрыла нос мокрой кофтой и накрыла собой крохотное тельце Лили, слыша только тяжелое дыхание, свое и ребенка, которого я всячески желала защитить, пусть и ценой своей жизни.

Электромобиль начало без остановки раздражающе трясти, наклонило довольно резко на правый бок, но не перевернуло. В тот момент, когда я позволила себе поднять голову, ощутила, как нечто слишком мощное, похожее на ураган, сметавший все на пути, протащил электрокар вперед. Неуправляемый электромобиль летел в потоке ветра и мусора до тех пор, пока мы не почувствовали беспощадный удар. И даже в таких диких условиях стихия не смогла сломить мой дух и убить надежду на спасение, которая всячески помогала мне держаться за сиденье мертвой хваткой и оберегать своим телом сестру, закрывая ее, точно щитом.

Постепенно буря начала стихать, вибрация исчезла так же быстро, как и появилась. Медленно, с бушующим страхом внутри я подняла голову и посмотрела в окно своего электрокара. Моему немому изумлению не было предела. Я была в полной мере озадачена тем, что предстало перед моим взором: шоссе было полностью разрушено. Нас окружал хаос: беспорядочно разбросанные электромобили, словно детские игрушки, изувеченные, разорванные и окровавленные тела людей покрыли весь видимый периметр, сложившиеся как картонные домики близ дороги постройки по левую сторону и вырванные с корнем деревья по правую сторону. Проклятое место трагедии было накрыто облаком пыли, но коварные мысли дорисовывали в уме весь ужас стихийного бедствия. Среди выживших началась паника, отовсюду доносились душераздирающие крики. Людская раса вымирала, постепенно задыхаясь от удушья. Те же, кто оставался до сих пор в сознании, начали впадать в депрессию или еще хуже – в истерику. Повсюду только разруха и смерть, шагающая по пятам за жителями столицы.

Мне жизненно необходимо было совладать со своими эмоциями, привести разум в позицию готовности «бороться». Поэтому, сильно сжав костяшки рук, стиснув до боли веки и откашлявшись, я открыла глаза и постаралась как можно скорее убраться с места трагедии, пока мы обе не задохнулись от загрязненного воздуха, смешанного с частичками песка, грязи и запаха крови.

В состоянии небольшого шока я прислонила чип идентификации трясущимися руками к панели, который до этого крепко сжимала в ладони, и торопливо дала считать сканеру

свой отпечаток пальца и штрихкод с номером идентификации. Двигатель странно зажужжал и захрипел, но через несколько секунд необычный звук утих.

Озадаченно посмотрев на широко раскрытые от ужаса глаза сестры, я немного сдала назад, пытаясь отъехать от дерева, в которое нас отбросило самым извращенным способом. Казалось, что в голове все еще звенело после удара, но на самом деле этот раздражающий скрип доносился откуда-то сверху, будто над нами что-то нависало. Мои опасения подтвердились, когда я подняла глаза наверх и рассмотрела сквозь серое облако пыли тревожную картину вышерасположенной дороги. Электромобили висели на кусках арматуры, торчащих из хайвеев второго уровня, и деревьях, качаясь и периодически падая вниз, разбиваясь вдребезги и разлетаясь в стороны. Не совладала я с эмоциями, напугав сестру тяжелым выдохом с выплескиванием из себя членораздельных звуков и бонусом в виде неконтролируемой дрожи. В глазах горел ужас, подавленность и полное бессилие, и это не говоря о нервах, которые были на пределе. Именно страх в очередной раз помог мне взять контроль над растерянными эмоциями и с небывалой хваткой нажать на педаль газа. «Лендровер» начал буксовать, но, видимо, та самая прославленная и великая тяга к жизни помогает в наиболее неудачный момент, поэтому в своих мольбах я смогла заставить электрокар сдвинуться с места. У создателя вселенной на нас явно другие планы – потому что, как только мы покинули место столкновения с деревом, зацепившийся за арматуру электромобиль сверху упал прямо перед нами. Лили чуть не расплакалась, услышав удар металла о поверхность земли. Испуганный ребенок сидел с круглыми глазами, как у совы, выглядывающей из дупла, и по-прежнему продолжал держать мокрую ткань, пряча под ней лицо.

– Тише, детка, – успокаивала я сестренку, протягивая свою ладонь к ее щеке. – Все уже закончилось.

Я понимала, что мои слова не исправят ситуацию, но не могла не заметить по лицу ребенка, что моя маленькая девочка нуждалась во мне. Успокоение – все, что я могла ей сейчас предложить.

Уехать далеко мы не успели, потому как стихия приготовила новый сюрприз для выживших людей мегаполиса. На сей раз в зону досягаемости нашего взора попали несколько воздушных фонтанов, полыхающих из недр земли и сотрясающих ее под своим могуществом. Это были настоящие воздушные гейзеры, обрамленные ярким пламенем после попадания газа в атмосферу. Продукты их распада и горения выбрасывали в воздух испарения и углекислый газ, благодаря которым стало почти невозможно дышать даже через мокрую ткань и воду. Не зная, что еще могу сделать, чтобы мы с Лили не задохнулись, я рефлекторно вылила остатки воды на лицо сестры в превеликой надежде, что моя малышка продержится еще немножко. Мучаясь в тяжелейшей одышке, я развернула машину на девяносто градусов и начала углубляться в лес, ощущая, что силы меня постепенно покидают. Ради сестры я обязана была находиться в сознании и увезти нас подальше от места бедствия, постараться сохранить нам с Лили жизнь. Не всегда растительность и поваленные деревья открывали нам путь, скорее, прогоняли нас из своих владений. Чем дальше мы заезжали вглубь леса, тем лучше себя чувствовали и быстрее приводили ум в ясность. Страх держал меня на этом свете, отражаясь в глазах, особенно при виде хайвея второго уровня, болтавшегося на арматуре, – не сбавлял напряжение во всем теле, пока все его части не померкли в дымке.

Двигались мы медленно по бездорожью, но все же верно удалялись от места трагедии. Настала странная пугающая тишина, словно это затишье перед бурей. Вокруг нас не было людей. Показалось, будто мы были одни во вселенной. Москва превращалась в город-призрак, сплошь погруженный в туман из пыли. После случилось нечто, отчего можно потерять веру и надежду: разряды огненных шаров из космоса стали атаковать шоссе, лес, дома – весь восток столицы, словно из пулемета открыли огонь по цели и будто добивали тех, кто еще мог остаться в живых. Мы с Лили смотрели друг на друга, боясь даже дышать. Мое смутное сознание вещало

мне твердо: дома больше нет – возвращаться некуда. Слезы наворачивались на глаза, пока я смотрела на маленькую девочку и одновременно пыталась оценить размах грозившей опасности. Лицо Лили было исполнено неподдельным испугом. Именно паника, которую я видела в глазах ребенка, придавала мне силы, заставляла пресекать боль и все те чувства, что жестоко сдавливали сердце, ранили его и уничтожали. Первостепенной задачей было защитить Лили. Важно было то, что я не имела права на ошибку. Мне запрещено было проявлять слабость, меня не должен был настичь страх перед надвигающейся опасностью, карауливший за каждым углом или поворотом.

Параллельно выстраивая в уме алгоритм последующих действий, который приведет нас к заданной цели, и наблюдая за опасной дорогой, я упорно двигалась, пробираясь сквозь заросли деревьев, разрушенные дома, магазины; выехала на второстепенную трассу, где за пеленой пыли, скрытой от людских глаз, еле заметила полуразрушенное здание гипермаркета. Не останавливая электромобиль, я напрямиком заехала в магазин по сохранившемуся подъемнику.

– О господи, – выдохнула я слова вслух.

Магазин был заполнен хаотично разбросанными человеческими телами, покрытыми обвалившейся частью крыши здания. Это дикое зрелище не могло не оставить отпечаток ужаса на лице, искривляя красивые черты в гримасе отвращения. Ожесточив душу и восстановив дыхание, я остановила электрокар посреди торговых рядов с напитками, открыла дверь, подошла к прилавкам и начала забрасывать в багажник воду. Я запретила себе смотреть на залитый кровью пол, приказала не замечать останки тел. С таким же девизом вышла из электромобиля Лили, твердя себе под нос, словно мантру, слова:

– Не смотреть! Не замечать! Это все ненастоящее! Просто фильм ужасов.

Как бы сильно я ни старалась преодолеть отвращение с помощью иного рода мыслей, все равно натыкалась глазами, не желая того, на трупы людей и оторванные конечности. Это приводило меня в ужас, от которого я могла испытывать лишь желание убежать из этого места. Слушая голос рассудка и трезво оценивая каждое действие, я собирала продукты питания с полок, воду, консервы; бегала между рядами и сгребала необходимую атрибутику: ножи, арбалет, дротики, колчан со стрелами, топор – в общем, все то, что могло пригодиться нам для выживания. Лили тем временем подобрала с пола несколько кусков мыла, зубные и банные принадлежности, затем набрала влажных и сухих салфеток. В последнюю очередь я забросила в машину два надувных матраца и множество респираторов, два из которых я сразу определила в применение, надев на себя и сестренку.

– Может, нам взять немного хлеба? – предложила Лили.

Я кивнула и, сев в электрокар, подъехала к пекарному блоку, где вся продукция так же беспорядочно была разбросана по полу.

– Бери хлеб для тостов в обертке, – целенаправленно указала я. – Он может не черстветь в течение многих месяцев. – Лили тут же бросилась выполнять мой наказ.

Когда багажник электромобиля оказался заполненным необходимыми вещами для выживания на первое время, я захлопнула заднюю дверь электрокара, осторожно подъехала к подъемнику и направила транспортное средство вниз к пешеходной полосе.

Тротуар уходил вглубь к домам. Поэтому, притормозив и на секунду задумавшись, я все-таки решила ехать вновь через кусты и деревья вблизи трассы. Через четверть часа перед нами проявилась из тумана станция электроподзарядки электромобилей, но ни одной живой души вокруг мы не заметили. Лишь несколько мертвых тел лежали возле резервуара с зарядами. И чтобы невзначай не оказаться на их месте, я выбралась из электрокара, вытянула почти разряженную капсулу аккумулятора банка заряда и, стараясь не думать о худшем, подошла к главному компьютеру на станции; панель загорелась.

– Пожалуйста, пять капсул с зарядом для «Лендровера», – неуверенно произнесла я, стараясь не касаться панели.

– Оплата невозможна. Сервер системы не подключен к сети, – ответил искусственный интеллект.

– Тогда прошу обменять капсулу в кредит на имя Анны Политаевой. Идентификационный номер: 75622743-35. Оплату подтверждаю при следующем обращении на станцию электроподзарядки.

– Одобрено. Вставьте разряженную капсулу в ленту пауэрбанка.

– Выполнено.

Система просканировала капсулу.

– Анна, возьмите капсулу с зарядом на пятой ленте, – произнесла система. – Хорошей дороги.

Я осторожно вытянула капсулу из ленты и вставила в банк заряда электрокара. Итак, в запасе у нас было только 24 часа. Остается надеяться, что этого времени нам хватит, чтобы забрать родителей и выбраться из Москвы. Но все шло неправильно и вопреки, будто специально задерживало нас.

Облокотив голову на дверную стойку электромобиля, я зажмурила сильно глаза, пытаюсь просчитать, какую ошибку совершаю. Внутри светилось яркое понимание того, что в центр нам нельзя направляться, но я не имела права не проверить, живы ли родители. Это и станет упущенным временем, что может сгубить нас. Я чувствовала, что мои старания, в конечном счете, навредят нам, но не смогла не послушать сердце, почему-то страстно затягивающее меня вернуться в адскую пучину, будто там было нечто важное и слишком значимое для меня лично. Мысли эти плутали в моем воображении, не позволяли мне отступить от решения двигаться в сторону центра. В действительности мне нужна была перезагрузка: вернуть себе покой, а заодно и здравый смысл. Когда воспаленное воображение отключилось, я выпрямилась и решительно села в электрокар.

Какое-то время мы ехали по развалинам, удаляясь от трассы и слушая гул, доносившийся от лопастей вертолетов, пока окончательно не сбились с пути. Сестренка молчала. Не говорила и я. Внутри боролись здравый смысл и навязчивое желание: отыскать, найти это что-то, добраться до центра, забрать родителей; продолжить надеяться, что мама и папа были живы. Это самая отвратительная мысль, которая будоражила меня, жужжала в голове, точно пчела, причиняла невыносимую боль. Переписать идею было невозможно, ведь воображение подкидывает красочные картинки в любую закрашивуюсь мысль. Но чтобы ослабить ее хватку, я начала быстро крутить головой, затем коснулась рукой лба, чтобы растереть его, словно пыталась вытащить занозу.

Лили так и не произнесла ни слова, пока не заметила оборванную вывеску: «Аптека».

– Анна, останови электрокар, – попросила сестра. – Там аптека. Кажется, это важно.

В тот самый миг, когда я притормозила на расстоянии от здания без боковой стены, внутри меня что-то обрадовалось, словно какой-то огонек зажегся. У меня отчего-то захватило дух и замерло сердце. Эти симптомы прошли, но трепет послевкусия остался.

Близко к входу в здание я подъехать не смогла, так как на этом пяточке земля была выжжена дотла, будто пламя полыхало тут всю ночь; и к нашему появлению почва уже искрилась огоньками и медленно тлела. Чтобы не повредить резину на колесах, я объехала выжженный участок земли и оставила наш электромобиль метрах в пятнадцати от аптеки. Ведь электромобиль служил нам единственным щитом от внешнего воздействия, поэтому нужно сберечь транспортное средство любым доступным способом, куда потребность в нем не иссякнет окончательно. Раскаленная земля обжигала ступни даже через обувь, а запах гари внутри здания немного дезориентировал в пространстве. Помещения аптеки наводнял дым, затруднял дыхание, напитокывал легкие углекислым газом. При отсутствии возможности дышать нам приходилось несколько раз выбегать на улицу, чтобы вдохнуть кислород, и вновь браться за дело. Мы с Лили собирали в сумку лекарства, антибиотики, ампулы, не вчитываясь даже в их назва-

ния. Времени у нас было очень мало, запаса кислорода хватало на несколько минут, потом начинались одышки и сильный кашель. Около самого выхода меня опять застигло враспloch чувство, будто я что-то оставляю тут. Я на миг засомневалась, но Лили вдруг остановилась, словно налетела на невидимую стену, и потянула меня за руку назад.

– Там кто-то есть. Живой, – говорила она шепотом, прислушиваясь к звукам.

Притаившись, я действительно услышала чье-то тяжелое сопенье, смешанное со стонами или скрипами.

– Лили, мы не можем спасти незнакомых людей, – жалобно застонала я, вглядываясь в расстроенные глаза сестры, а у самой засосало под ложечкой.

– Но тому, кто издает звуки, очень больно, – заверещала Лили и бросилась по направлению к помещению, откуда исходили прерывистые всхлипывания и едва слышные стоны.

Я последовала за сестрой, чувствуя, что запас воздуха в легких заканчивается. В соседнем помещении еле разглядела сквозь дым мужчину, нога которого была придавлена металлическим стеллажом. Человек издавал нечленораздельные звуки, странно извивался, глаза его были широко раскрыты. Чем дальше мы стояли над человеком, тем яснее слышали, как мужчину беспокоил не прекращавшийся удушающий кашель, и тем быстрее он начинал непрерывно дышать, словно задыхающаяся рыба.

Я повернулась было обратно, но грудь опять что-то сковало, и внезапно оказавшаяся ладошка сестры в моей руке заставила меня последовать зову сердца. Неужели этот человек и есть тот, кому я должна помочь? Ответ где-то витал, но я пока не понимала, в чем суть спасения парня. Лили посмотрела на меня мучительным тяжелым взглядом, полным сочувствия и сожаления. Времени на раздумье у нас не оставалось, поэтому мы подошли к мужчине и попытались приподнять металлический стеллаж.

– Я принесу ему респиратор, – оповестила Лили, кашляя и задыхаясь.

– Нет, – запретила я строго, метая искры из глаз. – Не выходи без меня на улицу. – И слегка успокоила свои натянутые как струна нервы. Кислород заканчивался и у меня. Дышать стало почти невозможно.

Лили выполнила мою волю беспрекословно. Девочка старалась мне помочь поднять парня, но сама держалась еле-еле на ногах. Грузное тело было слишком тяжелым для нас с сестрой. Не менее тяжелым оказался и стеллаж. Обои пришлось приложить немалые усилия. Когда же все-таки у нас получилось освободить ногу мужчины, волосы которого были покрыты слоем пыли, а лицо было измазано, как у профессиональных шахтеров, мы с сестрой рывками и с передышками вытянули парня из здания. Я стянула респиратор, как только мы оказались на крыльце. Лили тут же вырвало. Голова кружилась до тех пор, пока не восстановилось дыхание, а легкие вновь не наполнились кислородом. Не менее сложной задачей для хрупкой девушки и ребенка оказалось протащить мужчину по раскаленной земле, поднять и положить человека на заднее сиденье автомобиля.

– Я... мне... я... спа-си-бо, – задыхаясь, выкашливал слова мужчина. Мне вдруг показалось, что я смотрю на отца. Он не был похож на папу внешне – скорее телосложением, ростом, прической на голове и цветом волос, которые можно было едва рассмотреть из-за слоя пыли. Непонятно, зачем этот парень понадобился вселенной, ведь сама судьба меня сюда направила. Может, гений какой-то.

Чужды мне были дела помощника сверху, особенно когда родители в опасности, а все дороги вели к незнакомому мне человеку. Не удивительно, что душа моя стала переполняться злостью. Поэтому я пропустила слова благодарности мимо ушей, сделала большой глоток воды из бутылки и без единой эмоции закрыла заднюю дверь электрокара. В автомобиль я не садилась до тех пор, пока не убедилась, что сестра забралась на переднее сиденье и наконец активировала ремень безопасности. С помощью чипа, штрихкода и отпечатка пальца я идентифицировала свою личность, завела двигатель электрокара и начала движение.

Почти сразу после того, как мы отъехали от аптеки, Лили перепрыгнула на заднее сиденье и попыталась очистить лицо человека влажными салфетками, вытащив пачку из кармана двери электромобиля. Девочка тщательно стирала грязь с лица мужчины, прочистила ему нос, затем мило улыбнулась мне. Наблюдая за действиями сестры в зеркало заднего вида, я слегка растянула уголки рта и покачала добродушно головой ей в ответ, сморщив нос. Наивный ребенок не мог не восхищаться своей искренней заботой о людях. Радостные эмоции были роскошью в сложившейся ситуации, поэтому на моем лице вновь отразились глубокая задумчивость и устремленный взгляд в лобовое стекло. Дорога требовала быть сосредоточенной и максимально внимательной. От основной магистрали мы удалились на какое-то расстояние и еще больше углубились в лесопарк. Это богом забытое место – то, что осталось от некогда ухоженных парков Москвы, – не давало время на передышки и требовало всегда быть начеку. Поваленные деревья иногда преграждали дорогу, словно специально создавали нам дополнительные препятствия, чтобы мы не двигались в сторону центра. По крайней мере, среди растительности воздух не казался таким тяжелым и бесполезным, чем в открытых районах чудеснейшего мегаполиса на Земле, где, будто из гранатомета, обстреляли шоссе, выжгли целые лужайки с озеленением, погрузили в облако пыли и металлической техники.

В самой гуще Лосиноостровского лесного массива, спрятавшись среди могущественных деревьев, я наконец позволила себе остановить электрокар. С минуту я сидела в немом молчании, пытаясь еще раз все проанализировать, уловить движение снаружи или узреть чье-то присутствие, как вдруг увидела глазами и услышала грохот ушами, полыхнул на юге Москвы еще один фонтан из воздуха, пара и огня.

Лили так и сидела как мышка, даже не позволяя себе дернуться или пошевелиться. Девочка натерпелась страха за эти несколько часов.

В задумчивом состоянии наблюдала и я за фонтаном, бьющимся из-под земли. Я четко слышала скрежет металла, удары о поверхность и непрекращающийся вопль. Ожидание кончины еще одной части Москвы было похоже на бесконечность. Мучительную бесконечность.

– Алиса, что происходит в космосе? – задала я вопрос системе, заранее не ожидая услышать разумный ответ.

– Информация отсутствует. Все серверы отключены. Резервные генераторы также не подключаются. Такой сбой может означать только одно: спутники больше не работают. Связь нарушена. Причины не известны.

Я отключила искусственный интеллект. Никакой помощи от системы сейчас не было, как и толка.

Постепенно звук стал с эхом исчезать вместе с черным пластом, образовавшимся в том месте, где ударил гейзер. Пережив момент гибели южной части Москвы, я тихонько открыла дверь машины, при этом постоянно оглядывалась, будто ожидала нападения со всех сторон, – и вышла. Лили последовала за мной. Без паники и лишних звуков мы осторожно вытянули мужчину из электромобиля и аккуратно положили его бессознательное тело на землю. Я потрогала пульс человека – он был жив. Лили тем временем отыскала в багажнике бутылку с водой и вылила на лицо парня, затем приоткрыла ему губы и залила немного жидкости в рот. Мужчина начал приходить в себя, резко зашелся кашлем, но продолжал пить воду, которую ему вливали; чуть погодя человек смог пошевелить веками. Несомненно, ему было плохо, его мутило, и у него кружилась голова. Видно это было потому, как он водил по кругу глазами яблоками, не понимая, где он находится и что с ним происходит. Судя по всему, тошнота с новой силой подступала к его горлу. Мы с Лили наклонили тело парня на бок, чтобы он не захлебнулся в собственной рвоте. Еще несколько минут человека трясло, выворачивало и знобило, а потом он обмяк. Нежно и заботливо мы повернули его на спину, заметив, что мужчина едва уловимо вздохнул с облегчением. Лили осторожно подложила под голову полотенце, пока я пыталась еще раз нащупать пульс. С неким чувством успокоения мужчина прикрыл глаза, когда тош-

нога полностью отступила. Дав ему пару минут передохнуть, Лили надела на мужчину респиратор. Хуже обстояли дела с пострадавшей частью тела – с ногой. Я наспех стянула с него туфлю и разорвала штанину. Человек не сопротивлялся. Лишь изредка открывал глаза, но тут же закрывал их, все еще не понимая, что происходит с ним в этот момент. Невооруженным глазом было заметно распухшую конечность – ведь мы не знали, как долго он оставался под завалом с передавленной ногой. Ведя рукой от пальцев стопы к колену и одновременно надавливая на кость голени, я искала место перелома. Мужчина никак не реагировал на движения. Но как только я коснулась участка чуть выше стопы левой конечности около небольшой раны на лицевой стороне ноги, человек издал глухой страдальческий стон, от которого стало не по себе. Дернулась и Лили, словно эта боль передалась и ей.

– Кость сломана, – оповестила я мужчину вслух, как только нащупала место перелома, и задумалась о том, понял ли он меня.

Лили тут же вытащила из машины сумку с лекарствами, отыскала среди всего прочего флюзол – эквивалент пероксида водорода, и вылила бутылку содержимого на рану. Не знаю, как мужчина справился с болью, что заставила содрогнуться все его тело, но он мужественно закрыл глаза и страдания погасил в себе. Лишь только складка, залегающая между глазами, констатировала о мучениях человека.

Какое-то время мы пристально наблюдали за мужчиной, пока его дыхание вновь не стало ровным. Как только тело парня начало расслабляться, а на лице больше не проявлялись признаки сильной боли, я осторожно поднялась с колен и подошла к электрокару. Без толики сомнений, скорее всего, действия мои были автоматические, я достала из салона электромобиля биобинт с фиксацией жесткости после его увлажнения и несколько бутылок с водой. Оставалось вправить кость, обработать рану и зафиксировать ногу. Никогда прежде я не пробовала себя в качестве спасателя или медицинского работника. Несомненно, не была готова к обстоятельствам, вызывающим некую панику внутри. Внутренняя борьба с самой собой отражалась на моем лице и движениях: я то и дело замуривала глаза, потом широко открывала их; руки то тянула к ноге, то убирала.

– Боюсь сделать хуже, чем есть, – объяснила я Лили свою нерешительность.

– У тебя получится. Только ты и способна вправить кость. Надавливай! И ничего не бойся, – подбадривала сестра, явно стараясь вселить ту храбрость, что покидала меня в некоторых ситуациях. Я слушала голос Лили, напиваясь мужеством, справлялась со страхом. Вся моя воля так и пятилась назад, но стыд за слабость и чувство долга направляли мои мысли и действия. Лили посмотрела на меня таким взрослым взглядом, полным сочувствия и понимания, что я невольно отвернула лицо в сторону пострадавшего, и с полной уверенностью, что я смогу вправить кость, надавила на место перелома. Все произошло в считанные секунды: человек широко раскрыл глаза, слегка прогнулся в спине, и я точно знаю, хотел издать вопль, но, почувствовав, что ему крепко зажали рот и не ослабят хватку, отключился.

Потеря сознания – лучше, чем испытать порог боли, сдерживать крики и умереть от шока. Обморок не даст психике мужчины ощущать, как мы с сестрой обрабатываем противовоспалительными и обезболивающими средствами, заклеиваем рану, обкалываем антибиотиками и фиксируем ногу биобинтом. Так что бессознательное состояние человека значительно упростило нам работу.

Задача казалась не такой простой, как мы с Лили ранее воображали в уме. Бросив все силы на спасение человека, я подумать не могла, что когда-либо отважусь на операционное вмешательство на костных тканях и буду оттачивать мастерство склеивания глубоких ран. Наш пациент, по крайней мере, не видел всех погрешностей моей работы и не ощущал недостатку опыта во врачевании. Лишь на мгновение я позволила себе затормозить взгляд на парне, пока он находился в бессознательном состоянии, отряхнула ему волосы от пыли, чтобы рассмотреть его внимательнее, и, подозревая сестру помочь мне, мы обе постарались погрузить тело мужчины

обратно в электрокар. Мы уложили человека на заднее сиденье, сняли с него пиджак, подстелили под голову декоративную маленькую подушечку, до этого момента служившую украшением интерьера машины. Напоследок Лили накрыла парня простыней и села на переднее сиденье, затем украдкой взглянула на меня и активировала ремень безопасности.

С минуту я смотрела на карту, пытаюсь отыскать наше примерное местонахождение. Вокруг нас были лишь деревья, а за ними все было выжжено, разбито, разрушено или разломано. Мы находились между двух радиан шоссе. Сколько бы мое внутреннее чутье ни говорило мне ехать на аэродром, я уперто хотела посмотреть на все своими глазами. Мне нужно было знать, что я сделала все, что от меня зависело, чтобы угрызения совести меня не съедали всю оставшуюся жизнь. Несмотря ни на что, я поехала вперед, выехала на другую магистраль, так же разрушенную и уничтоженную целиком. Лишь маленький отрезок дороги с одной полосой остался нетронутым. Картина перед глазами вызывала все те же негативные чувства и желание покинуть местность. Отсутствие деревьев вновь напомнило, что воздух стал тяжелее и грязнее. Где-то над нами пролетел вертолет, но мы не видели его очертание из-за серого облака, нависшего над открытыми участками мегаполиса, только слышали гул его двигателей. Я пыталась осмотреться, хотя в водовороте пыли мало что можно было рассмотреть. Полоса неожиданно закончилась, поэтому дальше мы ехали почти вслепую. Нас трясло, подбрасывало на кусках торчащего разорванного асфальта или, наоборот, клонило в сторону, когда колесо проваливалось в очередную яму, похожую на пропасть. Именно в тот момент, когда надежда, казалось, угасла, я заметила вывеску на части здания переднего фасада торгового центра; подогнала «Лендровер» к углу постройки, схватила какой-то кусок ткани, вылезла из электрокара и с большим трудом, благодаря юбке, залезла на крышу своего электромобиля, предварительно сняв туфли на высоком каблуке. Быстро смахивая тряпкой слой пыли с таблички, я увидела наконец кадастровый номер: «Нижегородская улица 74/2». Спрыгнув с крыши на капот, затем на землю, я влезла в свою обувь обратно. Одежда стесняла движения. Эх, не помешали бы мне кроссовки и шорты.

– Хорошие новости! – объявила я, немного воспрянув духом. – Мы выехали на другое шоссе. Если мы поедем прямо, то уткнемся в Марксистскую площадь.

– Как ты думаешь, мама еще жива? – осторожно тихим голосом спросила Лили. В глазах ее показались слезы, но стойкая девчужка посмотрела на мое лицо, сомневаясь, что она хочет услышать мой ответ.

Я не видела смысла обнадеживать сестру, поэтому предпочла промолчать, опустить глаза и двигаться вперед.

– Ты не заметила, что кроме нас тут никого нет? – посмотрев в окно, вдруг произнесла Лили.

– Из-за тумана и пыли ничего не видно, солнышко. Не думаешь же ты, что в Москве больше не осталось живых людей?

– Мы уже едем десять минут, но ни одного живого существа не увидели. Город-призрак! – скрипучим голосом с бескрайним удивлением и страхом произнесла Лили.

Под неким впечатлением от тишины мы тихонько подъехали к краю разваленной дороги. Не спеша и даже будто бы пятясь назад, я вышла из электрокара и устремила взгляд в бездонную пустоту. Мысли подсказывали мне, что эта необъятная пропасть погребла под себя весь центр Москвы, забрав у нас с Лили навсегда родителей. Мои худшие опасения подтвердились, но я должна была знать наверняка. Я посмотрела вниз, жадно хватая воздух от вдруг подступающей внутри паники, и с некой злостью бросила первый попавшийся под руку камень в пустошь, чтобы убедиться, насколько глубокое образовалось отверстие в земле, и возможно, смириться с неизбежностью, поймавшей меня в тиски своими огромными лапами. Звуков никаких не доносилось снизу. Мертвая тишина. Не было видно ни конца, ни края. Я начала дрожать, хотя на улице было жарко, когда мне показалось, что я проваливаюсь в тартарары.

Лили появилась неожиданно. Почти не слышно и не дыша, сестра взяла меня за руку и посмотрела вниз на кратер, диаметр которого, как и глубину, нельзя было измерить глазами без специального оборудования.

– Мама! – прокричала Лили в пустоту.

Я заслонила собой сестренку и присела на одно колено, чтобы обнять ее. Не время было давать волю чувствам, но ребенок этого не понимал. От суровой действительности я сжалась и с болью в сердце прикрыла глаза, а когда вновь распахнула веки, то уже четко знала: началась не жизнь – началась борьба за выживание.

Вырвавшись из моих объятий, Лили быстро наклонилась, зачерпнула своей маленькой ладошкой горстку земли и, подойдя к краю пропасти, кинула «прах города» в бездну, пронизанная ненавистью к целой планете.

– Это нечестно! – выкрикнула Лили, сгибая колени и потихоньку наклоняя вниз голову, пока не облокотилась лбом о поверхность земли. Ребенок вдруг резко подскочил на ноги, выривая неподдельный страх на лице.

– Земля такая горячая, – увеличивала тон голоса сестра на каждом последующем слове.

– Слово раскаляется ядро, – прокомментировала я, касаясь рукой поверхности земли. – Рушится кора и убивает все живое.

– Планета, что же, исчезнет скоро? – испуганно задала вопрос Лили, отражая ее внутренние страхи на милом детском лице.

«Паниковать запрещено, – приказала я самой себе. – Мы живем в 2057 году. Ученые всех стран мира заседали последние полгода на симпозиумах, форумах, семинарах при закрытых дверях. По видеопанели постоянно показывали передачи о глобальных открытиях в области жизни на Земле или за ее пределами. На каждом углу вещали о межгалактических космических станциях с развитой на них инфраструктурой. Онлайн-трансляции демонстрировали, как отправляли шаттлы для исследований на Марс и Юпитер. И основной довод – мы живем в эре цифровых технологий, роботов и искусственного интеллекта. Весь мир роботизирован или же использует прототипы на энергетических усовершенствованных платформах. Не верю, что дождь из космоса вдруг оказался не зафиксированным сканерами или спутниками с орбиты и ученые нового времени не нашли способ спасти человечество. Еще мой дедушка рассказывал, что больше шестидесяти лет назад начались исследования планет на их жизненную пригодность. Не может быть, чтобы у нас не было шанса выжить. Не исключено, что он маленький. И все же есть. Игорь часто говорил о том, что мне необходимо сделать, если настанет такой день, когда планете будет угрожать опасность и приблизится конец света».

Посмотрев еще раз в глаза бездонной пустоте сверху вниз, мы с Лили с горьким вкусом душевного отчаяния вернулись в электрокар. В сердце словно сделали огромную дыру, саднящую и пылающую болью. Невозможно, чтобы на душе было так плохо, как в эту минуту. С закрытыми глазами я питалась несколько минут той неизбежностью, что обрушилась на нас так внезапно. А глубоко вдохнув, я открыла глаза и ожесточила себя в той мере, которая мне была необходима, чтобы спасти сестру в этих диких условиях и выжить самой.

Я повернула голову назад, где все еще на заднем сиденье лежал мужчина без сознания, одарила его инквизиторским недобрый взглядом, хмыкнула себе под нос со всей жестокостью внутри и вернула взгляд на лобовое стекло. Никто сейчас не был способен унять боль. Лишь каменное сердце придавало смелости и позволяло смотреть в лицо страхам.

Без эмоций и слов я отогнала электромобиль от пропасти и поехала в обратном направлении. Жестокое осознание действительности и самый большой страх рисовали мне мои действия. Я убедилась в том, что и так знала: родителей я больше не увижу. Мой собственный ад внутри горел пламенем и с каждой секундой обжигал душу все сильнее и сильнее, а потом сменился необузданным желанием спасти Лили от смерти. Девочка проливали слезы по матери и отцу, но я смотрела на нее каким-то новым взглядом. И не посмела тронуть ее в эту скорбь-

ную для ребенка минуту ни словом дерзости, ни словом ласки. Я знала, что я – единственная ее опора, поэтому не могла разрыдаться, как и не могла позволить проявить хотя бы намек на слабость. Лили всего лишь маленькая восьмилетняя девочка. Ей не уготована судьба просто исчезнуть, словно ее и не было в этом мире. Дерзкие и злые мысли сковывали мой разум. Казалось, что еще чуть-чуть, и мозг закипит, но этого не происходило, как и не унималась жестокая жажда выжить. Я точно знала, что буду сражаться с самим дьяволом и смертью, если потребуется, чтобы только спасти Лили, чтобы дать ей шанс начать все заново, чтобы вновь увидеть искреннюю улыбку сестры.

Глава вторая

– Куда мы направляемся? – перестав плакать, поинтересовалась Лили.

Я посмотрела в боковое стекло «Лендровера», где день уже плавно уступил бразды правления ночи, после чего перевела взгляд на крохотное чумазое личико сестры, наполовину скрытое под респиратором.

– На аэродром, – сухо ответила я. А после обреченно добавила: – Если от него что-то еще осталось.

– Думаешь, мы его отыщем в такой беспроглядной тьме? – с сомнением в голосе выдала свой вопрос Лили.

– Сегодня нет, – сделала я паузу. – Но рано на рассвете мы отправимся на аэродром правительства, – произносила я вслух слова Игоря, будто бы мысленно направлявшего меня в действиях. – Ах, Лили! Давай будем держать пальцы скрещенными в надежде, что хотя бы один самолет окажется пригодным для перелета, – ласково я посмотрела на сестренку и выставила палец вперед. – А пока, солнышко, ты должна поесть и отдохнуть, потому что ночевать нам придется в электрокаре на свой страх и риск.

Я покосилась на мужчину, по-прежнему тихо лежащего на заднем сиденье, потом вернула взгляд на сестру и опустила ее кресло, чтобы девочка смогла поспать в более удобной позе, пока я буду искать место для ночевки.

Со временем мы выбрались из удушающего серого облака пыли и песка, витавшего в воздухе, потому что вновь попали во владения густой растительности и лесов; миновали шоссе Энтузиастов, так как пересекли развалившийся второй уровень хайвея, держа путь чуть левее, чтобы приблизиться к Щелковскому шоссе. И где-то посреди парка я остановила электромо-биль, чтобы достать из багажника еду и воду.

– Солнышко, просыпайся, – тихо будила я Лили. – Нам нужно поесть.

Девочка открыла глазки, потянулась и выскочила из электрокара, словно ей сказали, что началась война.

– Кажется, в лесу поверхность земли не такая горячая, – пояснила Лили, касаясь ладошкой грунта чернозема.

– Растительность и влажность. А там, – горько сглотнула я комок в горле, – туда упал осколок или метеорит из космоса. Видела эту пропасть? – Лили кивнула головой в знак согласия. – Все будет хорошо, солнышко! Веру не теряем и двигаемся дальше, – растянула я уголки рта.

– Мне вот очень интересно, – неожиданно сменила тему Лили. – Как ты до сих пор не сломала себе ноги на таких каблуках? – посмотрел ребенок на мои распухшие ступни.

– Годы практики и чрезмерное желание спасти тебя, – заюлила я. – Кроссовки-то никто не предложил.

Лили коснулась моей руки, тем самым говоря, что она рада тому, что мы вместе. Это хороший знак. Ведь даже находясь в условиях гибели всего живого, мы все еще можем шутить и улыбаться. Несомненно, такая беспечность – это мгновение, но все же шансы на выздоровление после пережитой катастрофы у нас неплохие.

– А теперь будем есть, – предложила я сестренке, протягивая ей еду.

Кушали мы в салоне электрокара, уплетая за обе щеки пищу, постепенно привыкая к ощущению сытости. Казалось, я не ела целую вечность. Лили улыбалась, слегка покраснелась, словно не произошло никакой трагедии. Я смотрела на эту милую девочку и верила в сказку, где мы с Лили обязательно должны стать счастливыми. И когда мои радужные фантазии нари-совали нам безоблачное будущее, я услышала это:

– Что? Что про... про... изо... шло? – От раздавшегося голоса в салоне я выронила из рук яблоко.

– Ах, очнулись! – как-то поэтично произнесла эти слова Лили. Не знаю, от натуги или от нежности голоса сестры, но я сжала скулы и между бровей показалась угрюмая складка.

Мужчина дернул ногой, услышав голос ребенка, видимо, испытал боль от резкого неосознанного движения, если судить по коротким прерывистым стонам, которые он начал издавать.

– У вас сломана голень. Поэтому Анна зафиксировала вашу ногу биобинтом, – пояснила Лили, искоса поглядывая на меня.

– Подскажите, пожалуйста, что произошло со мной? – не унимался человек, наконец четко произнося слова. И в такой ситуации постарался быть интеллигентным и слишком тактичным.

– Да уж, – возмутилась я, качая головой. – Произошла величайшая катастрофа на Земле! Космос атакует нас со всех сторон. Убил почти все живое на планете. – Я прищурилась и продолжила, думая, как бы показаться еще более бесчеловечной, и почему-то мной внезапно овладел азарт. – Вас, между прочим, придавило металлическим шкафом, – указала я пальцем на ногу лежащего парня, сузив глаза с приторной улыбкой на лице. – В аптеке, – уточнила я. И это был мой суровый ответ на вопрос, который звучал сейчас крайне глупо. Мне почему-то стало так обидно. Ведь мы с Лили приложили столько усилий, чтобы выжить, а этому «бедолаге» всего лишь повезло. – Вам бы поблагодарить мою сестренку, – не унималась я, чувствуя, как с дрожью внутри вползает равнодушие. – А то гореть бы вам сейчас в аду! – поставила я точку.

– Анна! – не сдержалась Лили.

– Да, Лили, – тусклым взглядом посмотрела я на мужчину, потом на сестру. – Будем смотреть правде в глаза.

В машине воцарилась минута молчания. Казалось, Лили не хотела усугубить ситуацию, а парень на заднем сиденье пытался осмыслить то, что ему поведали. Мне же жестоко хотелось дать ему прочувствовать всю неизбежность ситуации, облечь ощущения в слова. Не очень приятно на душе, когда судьба направляет тебя спасти незнакомца, в обмен забрав дорогих родителей. Но разумом я понимала, что не могу винить парня во всех бедах. В конце концов, этот мужчина не просил моей помощи и не заставлял помогать ему и забирать из аптеки.

Где-то далеко от нас еще одно космическое тело упало на поверхность земли и вспыхнуло ярким светом. Таким ярким, отчего мгновенно стало резать глаза.

– Ядерная бомба! – жестоко и наигранно равнодушно пошутила я, не в силах остановиться плескаться ядом. – Говорю же, мир катится в тартарары.

Искалеченный человек, расположившийся на сиденье сзади, едва ли не подпрыгнул от неожиданности и тона моего голоса, неосторожно согнул ногу, чем причинил себе очередную порцию физических страданий. Он начал задыхаться; все тело его, видимо, трепетало от жгучих ощущений внутри. Закрыв лицо руками, человек стойко переносил боль в себе. Я вмиг почувствовала себя виноватой, но сознаться не хватало сил, поэтому смастерила лицо, подобно деревянной скульптуре; принялась наблюдать за сестрой. Лили замотала головой, тем самым отрицая мое столь наглое и неподобающее поведение в отношении несчастного парня. Ей было тяжело смотреть на мучения человека, его боль. По лицу сестры было заметно, что девочка восхищалась силой воли этого незнакомца, так стойко переносившего мои оскорбления.

Постепенно боль начала уходить и на лице мужчины появилось странное выражение. Он выровнялся и посмотрел на меня в зеркало заднего вида с нескрываемым интересом, будто уже видел меня прежде. С минуту этот пристальный взгляд вызывал во мне чувство раздражения, упорно демонстрируя непонятный мне интерес. Я резко повернула голову в сторону парня и, не вымолвив ни слова, посмотрела ему в глаза.

– Благодарю вас, – наконец произнес мужчина. У меня холодок пробежал по спине, и не от его слов, а от того, с каким великим спокойствием он это говорил и как смотрел на меня. – Мое имя Кирилл, – представился мужчина, не сводя с меня взгляда.

– Нам вовсе не нужно знать ваше имя. – Чувство вины незаметно превратилось в злость. – Просто сидите молча! – попросила я и вернула взгляд на лобовое стекло, поскольку находилась явно во взвинченном состоянии и чувствовала, как росла во мне ярость. Не от ненависти к человеку, от собственного бессилия. Этот парень ничего нам не сделал: он такая же жертва катастрофы. И вроде галантный. Кажется, благородных кровей, пытается быть дружелюбным по отношению к нам. Но внутри сидит комок, который все время напоминает, что наши с Лили родители заживо сгорели. Мы даже не успели проститься с ними. Друзья. Их больше нет. Прожить 25 лет и просто испариться, точно тебя и не было. Зачем было учиться и заканчивать университет? Если знания эти больше никому не нужны. Столько трудов и сил потрачено впустую. Вот так я начала жить. А Игорь – мой парень. Он просто исчез? Стерт с лица Земли? Он покинул меня, как и родители. Убийственная правда колет душу на части, все время делает рану в груди больше и больше. Я знала, что это было нечестно с моей стороны: обвинять во всем «беднягу», которого пришлось спасти, но я упорно старалась игнорировать желание посмотреть на него, грубить и заставить себя ненавидеть его. Потому что понимала, что, позволив себе сочувствие его захудалому положению и приняв его боль, я не смогу бросить этого человека, когда придет время и настанет момент делать выбор. И был только один способ спасти себя от симпатии к людям и не поддаться на свою слабость помогать ближнему – обороняться всяческим способом, пусть даже посредством раздражения и полного отсутствия такта к живому существу. Гнев помогает людям видеть все в черных красках, затмевает разум. И мне это сейчас очень было нужно.

Лили посмотрела на меня таким взглядом, какой я прежде не видела, – мудрым, словно она уже все повидала в этой жизни. Человек становится взрослым, когда перестает этого хотеть. И это был уже не ребенок.

– Простите мою сестру, – тут же кинулась оправдывать меня девочка, протянув мужчине пирожок. – Меня зовут Лили.

Ее искренняя детская улыбка обрадовала парня, растопила его сердце. Я это чувствовала. Он взял у нее из рук пирожок и посмотрел на девочку какими-то преданными, совсем невинными глазами. И где-то внутри я получила укол совести. От смущения Лили сжалась слегка и отвернулась от мужчины. Парень отодвинулся, чтобы я не уничтожила его взглядом в зеркало заднего вида, лишь украдкой позволив мимолетный взор в мою сторону. Он начал быстро глотать еду, будто и вовсе ее не жевал. Я невольно хмыкнула, но промолчала на этот раз.

Когда же трапеза закончилась и в электрокаре наступила абсолютная, почти безмолвная тишина, я заботливо накрыла простыней ноги сестренки, которая провалилась в сон сию же минуту, как только прислонилась головой к спинке кресла электромобиля. Даже небо успокоилось, хоть я и понимала, что это затишье перед атакой. Бегло направив взор в сторону случайного гостя, притаившегося на заднем сиденье – не знаю, спал ли он, я вдруг ощутила резкий спазм внутри – внутренний плач, предзнаменующий начало истерики. Держа в себе эмоции, я зажала рот ладонью и попыталась нащупать на панели кнопку блокировки дверей. Покинув в панике электромобиль, я села под первым попавшимся деревом, вернее, его частью, чтобы дать волю слезам, которые мне приходилось сдерживать в себе все это время.

Еще никогда прежде я не ощущала такую волну боли – словно ад внутри, который убивал всю мою сущность. Перед глазами стояла стена воспоминаний – самых счастливых и бесконечных, и именно они заставляли меня держать себя в руках. Счастье оказалось таким хрупким. Я так бережно хранила его в своих руках, что не заметила, как враг подобрался незаметно и вдруг судьба моя повисла на волоске. Но сейчас мне лишь необходимо знать, что надежда есть. Любовь к родителям дарила уют и тепло, но и это забрали у нас с Лили. И кому теперь

сказать, как дороги они мне были? Как жестоко судьба была хлыстом! Как весь наш мнимый мир развалился на глазах в одно мгновение. Я тонула в осколках своей памяти, затаивалась в каждом моменте, которое воспоминание приносило с собой, будто пыталась пережить жизнь заново. Хотелось открыть глаза – и увидеть день таким, какой он был сегодня на своем старте. Осознавать, что жизненный путь человека, если неуклонно ему следовать, ведет к предопределенной развязке, но если человек сойдет с этого пути, то и конец будет другим. Но здесь конец у всех один. И он неизбежен.

– Несправедливо! – прорыдала я. – Нечестно, – понижала я голос на каждом последующем слог.

Страдания приняли, наконец, такие размеры, что необходимо было вколоть мне лошадиную дозу успокоительного, чтобы заглушить боль. Только есть ли смысл в транквилизаторах? – если завтра я проснусь – и моя жизнь не вернется. Нет. Нет. Нет. Ад на земле никуда не исчезнет. Придет следующий день – и ничего не изменится. Завтра я буду двигаться вперед, стремиться избегать смертельной опасности и уповать на хороший исход.

Предположить сложно, сколько времени я провела в истерике, воспоминаниях, страхе перед неизбежным и в горьком разочаровании; помню, как почувствовала чье-то прикосновение, будто знак свыше, забравший меня из грез, остановив поток слез. Ужас шершавым комком застрял в горле и, словно пощечина, вывел меня из транса, бездумно требовал вскочить на ноги в боевую стойку, готовой обороняться. Перед глазами все плыло. Я наспех утерла соленые капли на щеках и задумчиво уставилась на фигуру девушки, возникшей предо мной. Незнакомка прятала лицо под куском ткани.

– Слезами горю не поможешь. Тише, – просила та, прислоняя указательный палец к своим губам. Она осматривалась, словно ожидала в любой момент нападения. Я невольно обратила свой взор туда, куда смотрела юная особа, а потом притопнула грозно ногой, мол, требуя разъяснений. – Ты здесь одна?

Я отрицательно покачала головой.

– Почему шепотом? – наконец проронила я фразу так же тихо, как разговаривала девушка, окончательно поборов истерику и карнавал чувств внутри.

– Потому что люди сходят с ума, – как-то невнятно объяснила девчонка с помесью белокурых и пепельных прядей волос на голове.

Не понравились мне ее объяснения. Но она посмотрела на меня так, отчего кровь застыла в жилах. Эмоции захлестнули меня, сплетаясь в причудливый вихрь, как узоры в калейдоскопе. Чудилось, будто мы двигаемся навстречу серьезным неприятностям. В животе у меня возникло какое-то странное жжение. И самое удивительное, что это был не страх. Это было предвкушение, жажда бороться, выстоять и выжить.

– Мне нужно добраться до брата раньше, чем его убьют, – коротко объяснила девушка. Печаль в ее голосе была так глубока и так неподдельна, что я поневоле прониклась жалостью к этой особе. – Он ранен и без сознания. Я накрыла его ветками, пока искала лекарства. – Руки девушки были пусты. Вряд ли она могла найти аптеку посреди леса.

Несомненно, отчаяние в ее глазах не осталось мной незамеченным. Я видела на лице незнакомки неподдельный страх за родного брата и понимала, что не могу остаться равнодушной и бесчувственной к чужому горю. Моя броня разваливалась на куски, выпуская мою благородную сущность наружу.

– У меня в электромобиле есть арбалет и топор, – призналась я, почему-то свято доверяя ей.

Она сначала опасливо на меня посмотрела, но неожиданно в глазах ее загорелся огонек, тот, что не спутаешь ни с чем, – надежда.

– Ты не обязана, – хриплым голосом бормотала незнакомка.

Скривив лицо в ухмылке и стряхивая с себя маску неприкосновенной злодейки, я схватила ее за запястье и потащила к машине, в которой спали два пассажира.

– Ева, – представилась блондинка, цвет волос которой превратился в грязно-пепельный.

– Анна, – машинально ответила я.

Молча мы подобрались к электромобилю. С ощущением полной уверенности, что должна помочь этой девушке спасти брата, я достала из багажника электрокара холодное оружие. Не пойму: то ли геройства захотелось, то ли я мазохист?! Ведь я понимала, что во мне нуждаются два человека, находящиеся в электромобиле, было бы глупо брать на себя ответственность за еще нескольких незнакомцев: беспокоиться за их жизнь, настойчиво искать неприятности, бежать сломя голову через лес, бороться с невиданными мне призраками ради спасения незнакомца парня. Ориентиры и чувства рассыпаются на части, словно бусины. То я пуленепробиваемая, то я мягкая. Не могу найти баланс. Ситуация делает меня бесчувственной, но потом появляются люди, которые нуждаются во мне, и я не могу противиться желанию помочь им. И вот теперь предо мной стоит эта девушка, хрупкая, точно птичка, дышит как паровоз, постоянно озирается по сторонам. На лице ее неподдельно нарисовано беспокойство. Она боится не успеть вовремя. Я смотрю на нее по-доброму, сочувствую и сожалею.

Оставив позади мысли, какие бы они ни были, – сейчас нужно найти парня, помочь ему, – я передала в руки Евы топор, оставив для себя арбалет. Стрелять из лука и арбалета мне уже доводилось, поражая мишени в тире. И не раз. Только это были всего лишь бумажки, не живые люди. И предзнаменование подползающей опасности накатывало волной, сотрясая разум. Я воспитала в себе доброту и отзывчивость. Конечно, я не была наивной, иногда чересчур чувствуя фальшь в людях. Я бы сказала – осмрительная. Замкнутой меня тоже назвать нельзя, хотя сейчас мне хотелось закрыться от любого живого существа. На глазах мнимо прелестный мир разваливался на кусочки, превращался из идеального в чудовищно-варварский, был погружен в паутину зла и овеван черной аурой. И никто – никто на все белом свете не знает, чем все кончится, где конец пути и через какие препятствия еще необходимо будет пройти. Вероятнее, правильно было бы подумать о последствиях нашей встречи. Так бы я и поступила, если бы не усмотрела в глазах девушки растерянность и ледяной страх. Поэтому я заложила стрелу в полоз и, следуя за Евой, направилась вглубь леса. Шли мы тихонько, почти не слышно, стараясь не шелестеть листвой и не задевать ветки деревьев. Неожиданно девушка остановилась, будто налетела на невидимую стену, и спряталась за деревом. Я двигалась чуть поодаль от Евы, держа наготове арбалет.

Ева обернулась в мою сторону, указывая глазами направо в сторону огромного пня, поросшего мхом и мелкими кустарниками, но потом с приторной улыбкой окинула меня взглядом и, не скрывая умиления, шире растянула уголки рта. Я отмахнулась рукой от навязчивого взора блондинки и изобразила на лице увлеченность процессом спасения. Смотря правде в глаза, я прекрасно понимала, что одета не по сезону пепельных осадков и прогулок с арбалетом по лесу. Только одежда и обувь волновали меня сейчас меньше всего. Что делать? Если не оказалось у меня с собой удобной одежды, не было кед или кроссовок, не готова я была к таким неприятностям, не рассматривала утром варианты выживания на планете Земля. Пришли мы в это место забрать парня, поэтому не стоило акцентировать внимание на моей одежде. Никто не сомневался, что мне неудобно в юбке и туфлях. Следовательно, нужно как можно быстрее помочь Еве найти брата и вернуться в электрокар к Лили и Кириллу. И тут возникло оно – странное чувство долга и заботы. Интересно, когда это Кирилл успел стать своим?

С этой мыслью, словно лиса, я начала перебегать от дерева к дереву. Ева указала глазами на место, где она оставила брата, – именно туда я начала бесшумно двигаться перебежками, подкрадываясь все ближе и ближе. Мне еще немного оставалось до сближения с пригорком, за которым находился брат девушки, но неожиданное появление человека с битой в руках внесло свои коррективы в мое поведение и явилось следствием незамедлительных действий. Одоле-

ваемая веером разных чувств, я, не задумываясь, выпустила стрелу ему прямо в грудь. Внутри все кипело, нервы kloкотали, а сердце билось в таком бешеном ритме, погружая меня в мягкие лапы адреналина и прилива энергии. Его мощное влияние мне было по вкусу. Меня не мучило чувство вины из-за того, что рука моя не дрогнула и забрала человеческую жизнь без угрызений совести. Да, я была жестокой машиной, предана своей силе и сумасбродно ей доверяла. Взглянув на тело слишком надменным взглядом, я тут же улыбнулась собственной беспечности. Внутри себя я скрывала некое удовольствие. Оно было похоже на головокружительный вальс эмоций и приятных чувств, пробирающих до кончиков пяток.

Пока мной овладевала непреодолимая страсть, рядом тут же оказалась Ева. Она вытащила стрелу из тела мужчины, бездушно, но с упоением обтерла ее об лист дерева и протянула мне.

– Держи, – подмигнула мне девушка. Казалось, для Евы жизнь человека ничего не значила, как и для меня в момент, когда перед тобой стоит выбор.

Очень показательно, может, даже феерично, я вставила стрелу обратно в арбалет, напоминая себе девушку-воительницу. Дабы не напороться на еще одного сумасшедшего вроде того, что лежит позади нас, я задрала юбку и опустилась на колени. Дальше пришлось двигаться к раненому парню ползком. Следом подбиралась ближе Ева. При соприкосновении кожи с землей чувствовалось, что внутри ядра происходили какие-то процессы. Поверхность казалась слишком горячей. И не только этот факт указывал, что планета наша разрушается, но и еле заметная вибрация, исходившая из недр и ощущаемая руками сильнее, чем ногами. Не знаю, как Ева, но я, купаясь в ауре мысленных погружений об исчезновении целой планеты, не заметила, как стерла себе колени. Расстояние между нами и братом девушки сокращалось. Мы были почти у цели. Ева добавила все свое непостижимое желание ползти быстрее, обгоняя меня. Цель ее была достигнута – она оказалась рядом с братом, наспех стряхивая ветки деревьев, которыми она прикрыла своего родного человека, спрятав от посторонних глаз. Парень был до сих пор без сознания. На ноге его красовалась рваная рана, и выглядела она так, словно он напоролся на мину. Кровь уже не текла: запеклась, смешавшись с множеством инородных тел, осколков и грязи. Я осторожно подползла к руке парня и нащупала его пульс – он был жив. Моему тяжелому выдоху обрадовалась и Ева.

Мы взяли парня под руки с двух сторон и потащили его сквозь лес напролом, стараясь не шуметь, но волочащиеся ноги по земле оставляли дорожку и издавали звуки. Как это было некстати! Приходилось часто останавливаться, чтобы заметить следы – на всякий случай. Несмотря на то, что парень был невысокого роста и худощавого телосложения, тело его сейчас казалось тяжелее мешка с цементом. Вдвоем с Евой мы еле несли его. Дыхание начало сбиваться. Голова кружилась. Мне казалось, еще чуть-чуть, и я потеряю сознание, но сила духа продолжала держать меня на ногах. Особенно сильно меня окатило чувство угрозы, направленной агонией, когда я увидела около своего электрокара несколько фигур. Один стучал кулаком по стеклу, повторяя удары словно умалишенный. Другой пытался какой-то корягой разбить окно. Я не видела Лили, но могла представить, какой бесконечный страх испытывала моя сестренка. На ходу опустив на землю тело брата Евы, мы с блондинкой разошлись по сторонам, вооружившись каждая своим оружием, чтобы неожиданно напасть сзади сразу на две мишени. Я прицелилась и направила стрелу прямо между глаз одному варвару. В тот момент сам черт мне был не страшен, потому что я и была самым злом, готовым напасть на любого, кто потенциально может причинить вред моей Лили и Кириллу. Раздражение так и разъедало меня. И лишь усилием воли я попыталась обуздать жадное чувство мести. Боковым зрением я видела, как Ева нанесла второму объекту топором удар сзади. Мужчина повернулся к девушке и медленно начал оседать на колени. Он протянул к Еве руку, но она со всего размаха ударила его ногой по горлу. Бедолага беззвучно упал ничком на землю.

Я опасливо осмотрелась по сторонам в поисках еще одной мишени, потому что чувствовала еще чье-то присутствие. По венам пробежало желание, которое ни с чем не спутаешь, опалившее меня с ног до головы. Жар его был настоящим, не вымышленным – как будто я схватилась за раскаленное железо. И этот слабый привкус чего-то теплого. Саркастически улыбнувшись, я спокойно вздохнула и на выдохе прислушалась к звукам – это точно было чье-то дыхание. Мне не нужно было указывать, откуда исходил звук. Интуитивно я выставила перед собой арбалет и выпустила стрелу в того, кто прятался среди деревьев парка.

Ева резко обернулась. Во взгляде ее было нечто неуловимое. Мне показалось, что сейчас этой девушкой владел тот же демон, что и направлял меня. Она напряженно посмотрела на арбалет и облегченно выпустила пар изо рта. Ева поняла с одного моего взгляда, что путь открыт, поэтому торопливо поспешила к брату.

– Не нравится мне этот лес, – произнесла Ева, переворачивая брата на спину, улетая в какие-то свои глубокие раздумья. – Неспokoйно тут.

Слова ее так и повисли в воздухе. Некоторое время я ходила вокруг электрокара, готовая биться насмерть. Убедившись, что опасность миновала, я опустила арбалет и подошла к электромобиле. Тихонько постучав в окно, чтобы не спугнуть ребенка, я почти шепотом произнесла:

– Солнышко, разблокируй двери. Не бойся, милая.

Лили щелкнула кнопкой на панели и дала считать штрихкод на запястье. В детских глазках горели страх и ужас.

– Все хорошо, родная, – успокаивала ее я. – Их больше нет. Они не вернуться.

Лили посмотрела на меня, словно я была привидением. Взяв сестру за руку, я заключила ее в свои объятия и прошептала:

– Милая, я никогда не дам тебя в обиду. Ты мне веришь, зайчонок мой курносый? – Лили кивнула. – Давай, поможем этому, – указала я в сторону брата Евы, – парню и его сестре. Подай мне, пожалуйста, лекарства.

Лили вытащила аптечную сумку из салона электрокара и подошла к больному.

– Перелома нет. Я проверяла, – тихо прошептала Ева, услышав, что мы оказались рядом.

– Давайте я помогу, – обратилась Лили к Еве. – Меня Лили зовут, – улыбнулась сестренка, взяв у меня флакон флюзола. Ева немного отползла в сторону, пропуская юного медика вперед.

– Пожалуйста, – театрально подыграла та. – Ева, приятно познакомиться, – широко улыбнулась блондинка.

Лили обработала руки и вылила флакон флюзола на изувеченную поверхность ноги. Рана сильно пенилась, значит, грязь все-таки попала на пораженный участок.

Я присела на коленки рядышком с сестрой, достала из сумки ватные диски и палочки, начиная осторожно убирать лишнее с поверхности раны. Минуты две мы с Лили колдовали над парнем, вкололи ему антибиотик, нанесли гель с антисептиком, склеили с помощью медицинского клея края кожи и наложили повязку самофиксом. Ева все это время была рядом, сжимая руку брата в своих ладонях. Она зачарованно смотрела на наши действия, будто наблюдала чудодейственное спасение, в которое не могла поверить. На лице ее играли разные гримасы. Когда рана пенилась, Ева сожмурила глаза, словно это ей делали перевязку; когда клеили края кожи, она прищурилась, серьезно наблюдая за каждым движением брата, будто ожидала, что он в любую секунду может очнуться. Напоследок Лили помогла обработать флюзолом коленки блондинки и мои.

Где-то на севере полыхнуло бездонное яркое пламя. Звук удара был глухим, почти незаметным. Взор невольно устремился в направлении сияния. В луче прожектора, осветившего ночную землю на мгновение, я увидела маленькую девочку, хватающуюся рукой за дерево. Эта картина была подобна грому, что разбивает сердце на маленькие кусочки. Даже дышать стало тяжело. Не думая о последствиях своего передвижения по лесу, я рванула к малышке. Она

была ненамного младше Лили. Ее каштановые волосы рассыпались по земле, отчего казалась украшением этого места, а кукольное личико измазано в грязи и крови. Плехнувшись перед ней на колени, я осторожно подняла ее голову и положила к себе на ноги. Из рта малышки шла кровь. Это самое худшее, что я могла сегодня увидеть: на моих руках умирал ребенок. В животе ее была огромная дырка. Девочка пару раз взмахнула ресницами, сплюнула алую кровь и закрыла глазки. Сказать, что слезы меня душили, – ничего не сказать. Я будто умирала вместе ней. Зло запустило в мое сердце свои лапы. И я не сопротивилась этому. Сердце кольнуло несколько раз, отчего коварная дрожь побежала по телу.

Лили неожиданно присела рядом, убрала голову девочки с моих ног и посмотрела доверчивым взглядом в мои глаза.

– Не ожесточайся, Анна. Не нужно. – Сестренка взяла меня за руку и отвела в сторону от умершего ребенка. – Я люблю тебя. Ты же это знаешь? – улыбнулось мое солнышко. Я кивнула в ответ. – Ты нужна живым здесь и сейчас, – утерла она мне нос. – Нам нужно положить брата Евы в машину. – И невольно последовала за сестрой.

Я открыла дверь электромобиля и только тогда сообразила, что сзади у нас еще один раненый пассажир.

– Кирилл, не могли бы вы немного потесниться? – благородно попросила Лили. Ее слова немного ободрили меня. – У нас еще один пострадавший, – указала девочка на парня, лежащего на земле.

Кирилл сел полубоком, облакачиваясь спиной на заднюю дверь электрокара. Травмированную ногу он оставил лежать на сиденье. Я видела, что движения ему давались с трудом, но продолжала упорно наблюдать за действиями раненого без единого желания помочь, и с великим удовольствием хотела досмотреть сцену до конца. Второго парня мы с Евой также облокотили на дверь, подстелив подушку под голову.

– Это вам, – протянула я Кириллу еще одну подушку.

– Спасибо, Анна, – поблагодарил мужчину, забирая у меня дар. Его руки были такими горячими, что я не на шутку засуетилась. Конечно, на улице было около сорока градусов, но у мужчины наблюдался жар.

Я обошла электрокар и открыла дверь с той стороны, где сидел Кирилл.

– У вас температура, – с долей испуга констатировала я. Я потрогала его шею и тело – его начинало лихорадить. – Кирилл, мне необходимо вколоть вам антибиотик и посмотреть еще раз вашу ногу. Но мне действительно очень нужна ваша помощь: вы должны не потерять сознание на этот раз. – Кирилл кивнул в знак согласия и дрожащими руками расстегнул первые пуговицы рубашки, стягивая ее вниз.

Я набрала лекарство в шприц, уколола Кирилла в плечо и неожиданно для себя изобразила широкую дурацкую ухмылку. Мужчина сделал усилие взглянуть на меня ослабевшим взором, в котором прочиталось великое смущение. Эти омутом окутанные глаза мне доверяли. Я это видела.

– Сейчас станет немного легче, – продолжала я наблюдать за смущением Кирилла, сочувствуя ему в этот момент каждой клеточкой своей души. Может, просто устала от потрясений. Не было сил бороться. – Сможете вытянуть ногу?

– Да, – ответил Кирилл, голос которого, не переставая, дрожал. Оторвав от моего лица смущенный взгляд, парень попытался облокотиться на сидение, но отсутствие сил не позволяло ему менять положение; тело то и дело выдавало его плохое самочувствие, дрожь и слабость.

– Кирилл, не двигайтесь, – остановила я рукой, помогая парню облокотиться на подушку. Медленно отодвинула переднее сиденье и присела на пол электрокара сзади. – Почему вы не сказали, что плохо себя чувствуете? – язвительно спросила я, размачивая биобинт, который мы с Лили наложили на голень.

– Не хотел вас беспокоить, – вновь с долей смущения ответил Кирилл, пытаясь неумело играть мимикой лица, но явно испытывал дискомфорт при каждом движении.

– Лучше, конечно, умереть от гангрены, – еще больше давила я, распылив флакон антибиотика и дезинфицирующего средства на поврежденную кожу после того, как расклеила рану с помощью корректора.

– Я не мог, – тихо прошептал парень. – Вам было не до меня, – еще тише сказал он.

Когда я закончила перевязку, вновь склеив края раны и зафиксировав голень биобинтом, Кирилл взял мою ладонь в свои руки. Странная дрожь змейкой пробежала по всему телу от одного лишь касания. И абсолютно точно была уверена, что мужчина испытал похожее ощущение. Я посмотрела ему в глаза, но ни слова не сказала.

– Благодарю вас, Анна! – наконец опомнился очарованный Кирилл и выпустил мою ладонь. Я махнула ресницами, подложила ему еще одну маленькую подушку под спину и закрыла дверь электрокара.

Почему-то я никак не могла отделаться от ярких и столь явно продолжающих колоть мою кожу ощущений его прикосновения. С неким непониманием от того, что только что произошло, я подошла к Еве, вальяжно облокотившейся на капот электромобиля.

– Здесь оставаться опасно, – заговорила первой девушка.

– Двигаться еще опасней, – дала я резкий ответ. – В такой тьме даже сам черт может пропасть без вести. И фары не помогут. – Ева сморщила носик и устремила свой взор в темную пучину ночи. Без слов было понятно, что спорить девушка не собиралась, к тому же средство передвижения принадлежало мне, поэтому смысла припираться друг с другом не было.

– Анна, – неожиданно вырвал меня из раздумий голос Евы. – Предлагаю кому-то одному из нас не спать. Ты передохни первой, а потом сменишь меня, – ласково попросила девушка. – Пока силы есть, я останусь снаружи.

– Хорошо, – ответила я, открывая дверь электромобиля, соглашаясь с предложением. Это были неизбежные меры предосторожности. На всякий случай я активировала датчик движения.

Я посмотрела на сестренку, скрутившуюся калачиком на сиденье. Потом медленно перевела взгляд на Кирилла. Сейчас, когда он находился под воздействием лекарств и крепко спал, я смогла целиком рассмотреть раненого парня, не задумываясь, что кто-то сможет мне помешать. Его руки небрежно развалились на сиденье, подкачанное тело сгруппировалось в полусидящем положении, свисающие темные волосы чуть прикрыли глаза и лоб. Я утвердилась, что внешне Кирилл был весьма привлекателен, но бледен и слаб. С минуту я поистине глазела на неприлично красивого мужчину и в какой-то мере любовалась им. Лицо его казалось знакомым, но я не могла вспомнить, где могла его видеть. Да еще и это приятное чувство внутри, словно меня ударило током, когда он взял меня за руку, до сих пор будоражило мою душу. Так бывает, когда есть какая-то связь между людьми.

«Что же в тебе такое есть, что так тронуло меня?» – задала я себе мысленный вопрос. Я в полном смысле этого слова заставила себя отвернуться от Кирилла. И чтобы отвлечься от вихрей ощущений и мыслей, достала из сумки телефон. На засветившемся экране появилась моя с Игорем фотография.

– Игорь... – тихо выдохнула я его имя вслух. Слезы подступали, в горле образовался огромный комок. Замерев от удушающего чувства, я старалась всячески подавить слабость, чтобы не разрыдаться вновь. Смахнув рукой фото с экрана, я открыла карты. Конечно, без передачи данных со спутников и без Интернета наше местоположение было не определить, но все равно настойчиво пыталась понять, в какой именно точке мы находимся. Сна не было ни в одном глазу. И чтобы не возвращать себя в счастливые воспоминания о прошлом, вышла из электромобиля на улицу.

– Не спится? – усмехнулась Ева, поднимая на меня глаза.

– Не могу расслабиться в такой ситуации, – обреченно ответила я, присаживаясь рядом с девушкой. – Вот ведь как бывает, – прикрыла я на мгновение глаза. – Сплю в парке Лосиный остров, – хмыкнула я, сама не веря в то, что происходит.

Ева без эмоций продолжала смотреть в пустоту.

– Знаешь? – призадумалась девушка, продолжая смотреть вдаль. – Мы ведь не из Москвы. Приехали с братом на фестиваль, посвященный работам великих художников разных эпох. Марк пишет картины, – пояснила Ева, с великой гордостью произнося имя брата. Голос ее был тих и спокоен. – Я даже не поняла, как мы очутились в этом лесу.

Я несколько раз моргнула. Не понимаю, зачем начала разговор, но совершенно точно не хотела услышать историю жизни этих людей. Не нужно мне было знать их имена, чем они увлекаются и занимаются. Мне жизненно необходим был только мой собственный небольшой мирок. Я вовсе не собиралась сейчас ни с кем сближаться. Единственный верный путь – перестать чувствовать, сбросить ответственность со своих плеч, остаться нам с Лили вдвоем. Мне просто захотелось, чтобы меня оставили в покое. Ведь в таком случае у нас с сестрой намного больше шансов выжить, покинуть эту планету. И вообще, какого черта меня понесло спасать этого мальчика? Что за идиотская жалость к ситуации этой девушки тогда проснулась во мне? Благодаря своей сердечности и слабости у меня теперь в машине двое раненых мужчин. Вот так опора для женщин! Разве это правильно? Вместо стремления бежать вперед мы теперь занимаемся врачеванием, уколами и перевязками. Я не могу сосредоточиться, потому что в ушах всегда то голос Евы, то боль Кирилла; и эти его бездонные глаза...

– Куда путь держите?

– Что? – переспросила я, потому что запуталась в своих раздвоенных ощущениях и мыслях.

– Что собираешься дальше делать?

Я посмотрела завороченно на Еву и не понимала, сказать ей сейчас правду или красиво солгать. Моя растерянность – мой враг. Поэтому я глубоко вдохнула, закрыла глаза и сосредоточилась на частичной лжи.

– Нужно уехать из Москвы.

Ева как-то вычурно и по-детски похлопала меня по плечу, расплываясь в натянутой улыбке.

– Спасибо за то, что помогла мне спасти брата, – чувственно поблагодарила девушка. – Я не знаю, что происходит, почему не работает телесвязь и как быть дальше, но чувствую, что одной мне не справиться, – продолжала парировать Ева. – Не знаю, как отблагодарить тебя. Правда, не знаю.

Жалость вновь опалила своим влиянием. Я прикусила губу и сощурилась: да так, чтобы мне стало больно. Нельзя все время разламывать себя на куски, растрчивать себя на ненужные пререкания с самой собой. В противном случае я останусь на месте.

– Мне не нужна благодарность, Ева. Рада была помочь, – грубо осеклась я, не желая более продолжать беседу.

Ева томно обратила свой взор на меня, пытаясь понять мои чувства, но я плотно закрылась в скорлупе, вглядываясь в черную пустоту лесной чащи, откуда изредка были видны деревья во время вспышек, периодически трещала земля и били фонтаны из-под земли.

– Неудобная у тебя обувь, – со смешком язвила Ева, указывая глазами на мои ноги.

– Сама не знаю, как еще до сих пор стою на ногах, – призналась я. – Сегодня был слишком тяжелый день, – добавила я.

– Мягко сказано! – в унисон с еще одной вспышкой на западе прозвучал уставший голос Евы. – Словно планета Земля погибает.

Это напоминание отразилось дрожью во всем теле. Ведь я четко осознавала, как мало времени у нас осталось. Добраться до аэродрома и улететь на космодром Байконур – это задача

номер один в моем списке. Я знаю. Я верю. На другой планете есть жизнь. Что-то внутри мне подсказывало, что я не ошибаюсь. Я на правильном пути. Ведь не зря же на протяжении шестидесяти лет ученые твердили об экологических катастрофах, разрушении земной коры, глобальном потеплении, уничтожении планеты, открытиях в области жизни за пределами Земли. Как бы сейчас помог Интернет! И слова Игоря звучат в ушах, направляя мои мысли в правильное русло.

– Значит, житель модной столицы? – подмигнула мне Ева, опять вытягивая меня из размышлений.

– Бывшей столицы, – с ехидством ответила я, сама не ожидая от себя такой дерзости. С другой стороны, почему бы и нет. Сегодня я простояла в многокилометровой пробке, врезалась в дерево, ограбила магазин, вправляла кости, убила живых существ, видела, как умер ребенок у меня на руках. Разве это не повод, чтобы ожесточиться и начать плескаться ядом?

Ева все пыталась наладить контакт со мной, продолжая разговаривать, щебетать, шептать. Я же, как последний изменник, сбежала от нее обратно в машину. Какое-то время я честно пыталась уснуть, отбросив все мысли, но они, как рой, все жужжали и жужжали у меня в голове. Несколько раз я обращала взгляд в сторону Кириллы, пытаюсь безуспешно вспомнить, откуда мне знакомо его лицо. В конце концов усталость все же сломила меня, и я смогла забыться сном. Часа не прошло, как Ева начала будить меня, теребя за плечо.

– Сменишь меня? – попросила та.

Я машинально схватила свой арбалет и вылезла из электрокара. Поначалу я сидела около дерева, опираясь на него спиной, затем ощутила, как шея и копчик затекли, поэтому вернулась в вертикальное положение. Примерно с час я бродила возле деревьев, ожидая рассвета. Разные мысли лезли в голову, только на этот раз я пыталась их блокировать, как и избегала мысленных планов касательно вариантов того, как мне отвязаться от случайных путников, оставив все на случай. Пусть меня сочтут самой злой личностью и эгоисткой. Мне все равно. Я им не нянька и даже не друг. У меня есть четкая цель: спасти Лили и добраться до Байконура. От этих планов я не собиралась откланяться. Эти люди для меня явились громадной помехой, причем двое из них – настоящая обуза.

«Где же ты, Игорь? Возможно, ты жив и тебе требуется моя помощь. Но вместо этого я вынуждена спасать чужих для меня людей», – негодовала я и не могла перестать внутренне вопить.

Несколько часов ничего не происходило вокруг. Было тихо и спокойно. Мрак и ночь окутывал нас плотным уютным покрывалом. Рассвет наступил позже, чем я думала. Скорее всего, это связано с постепенным разрушением планеты, изменением оси вращения и множеством сопутствующих факторов. Как только первые лучи солнца проявились из темноты, я посмотрела на часы – девять утра. Невероятно долгая ночь. Солнце начало нещадно жечь кожу, находиться на улице было почти невозможно. Поэтому я достала из багажника еду, разложив продукты на стойке подлокотника спереди.

Глава третья

– Просыпайся, милая! – почти шепотом будила я сестренку.

Лили вальяжно зевнула, слегка потянулась, после одним движением села. Еву будить не пришлось, она не спала или, может, дремала периодами. Думаю, переживала за родных, вспоминала, что произошло, оценивала ситуацию и возможности. Как у любого из нас, дома у нее остались друзья, родители, близкие. Хотя сейчас это совсем не важно. Каждый из нас несет в себе свою трагедию и свой ад.

– Нам пора двигаться вперед, – уверенно произнесла я, указывая Еве глазами, куда ей следует перебраться с водительского сиденья. Девушка послушно перелезла назад, присаживаясь на коврик электрокара. Я снова невольно затормозила взгляд на Кирилле, и мне показалось, выглядел он намного лучше: его мутные глаза приобрели едва заметный оттенок неба, стали блестять, плохое состояние постепенно отступало. Прекрасные черты лица казались почти суровыми в его беспомощном положении. Как и любой человек, он переживал личную трагедию. Лишь одними глазами я спросила Кирилла о самочувствии, получив ответный взмах ресницами. Второй раненый все еще был без сознания, а может, спал.

Я спокойно завела двигатель электромобиля и не спеша начала движение через парк, как только уверилась, что все пассажиры живы. Позавтракали мы на ходу. Лили передала мне тост, заправленный салатом и огурцом, широко улыбаясь.

– Спасибо, солнышко!

После ответной улыбки в мой адрес сестренка поделилась едой с двумя попутчиками, укомплектовавшими электрокар. Я тут же сменила центр интереса и искоса начала наблюдать за Евой и Кириллом в зеркало заднего вида. Вид у ребят был такой, словно они сейчас лопнут от удовольствия. Но стоило нам встретиться взглядами, их будто подменили, разворачивая каждого в свою сторону, чтобы не попадаться мне на глаза. Глядя на их растерянные лица, я не смогла сдержать улыбку.

Палящее солнце осветило землю, пробиваясь сквозь прореженный лес, и показало, что произошло ночью: трупы были повсюду, троих из которых убили мы. В некоторых местах деревья были вырваны с корнем, словно туда упал снаряд, и целые поляны были выжжены дотла или продолжали тлеть. Парк будто превратился в поле битвы. Чуть поодаль я заметила небольшой пруд с частично разрушенной беседкой. Мы с Игорем не раз сидели в этом прекрасном парке, наблюдая за утками. От нахлынувших воспоминаний я с горечью посмотрела на место нашего первого поцелуя с Игорем и, проглотив горечь, направилась дальше по единственному правильному пути.

Ехать пришлось с небольшой скоростью довольно большой участок. Часа два мы виляли то туда, то сюда, объезжая густую растительность, пока не выбрались из парка и вновь не попали в пыльную бурю. Я еще более замедлила ход электрокара, когда разглядела в тумане огромную пропасть, похожую на настоящий кратер. Только воронка на этот раз оказалась чуть меньших размеров, чем та, которую мы видели ранее около центра города. Двигались мы какое-то время по краю. Выхода иного у меня не было, потому как мы попали в места, где вспаханное поле из поваленных деревьев и дорожных плит тормозило нас с одной стороны и котлован – с другой. Лили замерла, уткнувшись лицом в ладони. Ева и Кирилл следили за пропастью в окна электрокара, иногда выдыхая, когда им казалось, что мы сейчас упадем в бездонную яму. Видимость практически отсутствовала. Когда мы наконец отъехали от края пропасти на ровный нетронутый участок земли, я услышала всеобщий вздох облегчения.

– Отчего образовались такие воронки? – сдавленным голосом поинтересовалась Ева, собрав складку между бровей.

– Магнитное поле Земли притягивает к себе различные тела из космоса, – ощущая, что глаза на моем ледяном лице отливали серебром, точно подметила я.

– Астероиды или метеориты, – уточнила Лили и посмотрела на меня.

От слов сестренки тень зыбкой улыбки появилась на моих губах. Я едва заметно подмигнула ей. Зато Еву только что потрясла страшная догадка: девушка пару раз попыталась открыть рот, но потом беззвучно его закрывала. В зеркало я видела глаза Кирилла, наблюдала, как под тонкой коркой его самообладания лицо исказила мучительная гримаса осознания, в какой ситуации мы все оказались.

– А... а... ау, – застонал человек в голос. Это был Марк, наконец очнувшийся после травмы. Ева тут же наклонилась к брату.

– Марк! Марк! Тише! Тише, милый, – почти беззвучно просила она его.

Брат что-то шепнул сестре на ухо, но слушать их я не пыталась. Мне нужно было следить за дорогой. Состояние мое и так нельзя было назвать спокойным: периодами меня била дрожь и я сгорала от ярости внутри, потому что ни на секунду нельзя было расслабиться. Дороги было почти не видно – везде сплошная пустота и темень. Вдруг, откуда ни возьмись, появился настолько плотный туман из пыли, что не пропускал даже солнце, которое еще пару часов назад стремилось спалить лес. Дыхание становилось тяжелее и тяжелее. Пассажиры в машине начали кашлять. Каждый смотрел на меня из своего личного ада, ища поддержку, которую я не могла им дать. В голове был шум. Казалось, я была на грани срыва, готовая взорваться в любой момент. На лице проявилась озабоченность. И когда дымовая завеса слегка опустилась, я остановила электромобиль и выбежала наружу. Уперев ноги в землю, я наклонила голову и потрясла ей. Мне нужно было выпустить пар, привести сознание в порядок, которое работало сейчас наполовину. Нервы были натянуты до предела. Казалось, предохранители должны были перегореть. Все это было не моим ночным кошмаром – это происходило с нами наяву. Я медленно вдохнула и выдохнула, пытаюсь успокоиться. И только после того, как я смогла совладать с собой, вернулась в электрокар.

Ребята смотрели на меня испуганными лицами. Ева замерла, приподняв бровь. Лица Марка я не видела, зато слышала его тяжелое дыхание и чувствовала на себе его взгляд, наполненный непониманием. Кирилл молчал – не мог заговорить, только опустил глаза и медленно перевел дух, но через какое-то время стал пристально смотреть на меня. Именно в тот момент я увидела в его глазах необычные огоньки, пылающие страстью, и бесконечную покорность. Какой эффект воспроизводил на меня его взгляд? Я не способна была описать. Только глаза мои магнитом притягивало к его лицу, манерам, действиям – к нему. Дрожь, точно стрела, пробежала по всему телу, приводя за собой внутренний озноб, когда я видела, как он смотрит на меня, а раздражение пробивало мою идеальную броню из-за того, что я сама была не в силах сопротивляться тяге к незнакомому мне человеку. Я испуганно осознала, что между мной и Кириллом начала появляться незримая нить, – и еще пуще стала злиться. Лишь касание руки Лили о мое плечо вернуло меня обратно из водоворота неведомых мне доселе ощущений, посещающих меня с появлением Кирилла в моей жизни.

– Анна, нам нужно перевязать наших больных, – не попросила, строго приказала Лили.

«Отлично! Не салон электромобиля, а лазарет какой-то», – ругалось мое подсознание. А тут еще глаза Кирилла! Он так смотрит на меня, словно нарочно пытается вызвать всплеск негативных эмоций во мне: я вся горела внутри и одновременно закипала от злости. Еще минуту я упорно молчала, потом севшим от ненависти голосом прохрипела:

– Ладно.

Кирилл вышел из электрокара, неустойчиво держась за его металлическую стойку и руку сестры. Он был по-прежнему слаб. Было заметно, как каждое движение давалось ему с трудом. Сломанная нога не позволяла ему держать равновесие, а боль пронзала с такой силой, что тело извивалось в конвульсиях.

С Марком все обстояло сложнее, потому что парня пришлось вытаскивать из электрокара двум девушкам, ощутив в полной мере его мощный вес под собой.

От тяжести и усталости я разозлилась еще больше. Гнев по-настоящему клокотал во мне, размывая грань между добром и злом. Поистине бес вселился в меня. Больше не было внутренних противоречий, только чистые факты. Раздраженная до предела, я схватила сумку с лекарствами и подошла к Марку. Ева размотала бинты, подготовив ногу к обработке. Должна признать, зияющая рана выглядела лучше.

– Дай руку, – зло прыснула я Марку. Парень поднял на меня туманные глаза, в которых было написано, что он готов упасть в обморок. Беспомощность мужчин раздражала куда сильнее, чем страх. Марк попытался поднять руку, но мышцы не слушались его. Вдоволь насмотревшись на шоу «больной и врач», я обхватила его предплечье и яростно вколола ему два миллилитра антибиотика со снотворным. Мне кажется, парень даже не понял, что ему сейчас сделали, судя по отсутствующему взгляду и блуждающим зрачкам. Лили с Евой быстро обработали рану, заклеили и вновь забинтовали ногу Марка.

Пока Ева старалась усадить брата обратно в электрокар, я подошла к Кириллу. И вот снова я вижу тот доброжелательный взгляд, от которого мурашки бегут по телу. Он неосознанно злил меня, отчего я готова была грубить, дерзить и оскорблять. Опять в его очах отражались смущение и великая покорность. Без толики стеснения он рассматривал меня, словно картину, изучал каждую мимику на моем лице, всматривался в каждую черточку или морщинку возле глаз и губ. Эта откровенность взгляда мне не нравилась. Абсолютно недовольная происшедшим, я опустила на колени перед Кириллом. Его голубые как небо глаза все еще продолжали оставлять невидимые отпечатки на моем лице. Он точно понимал, как лучше меня рассердить. Измученная его вниманием, я без позволения стянула с плеча рубашку и, не произнося ни слова, вколола антибиотик.

– Пожалуйста, без снотворного, – остановил меня одним касанием Кирилл, как только игла вышла из предплечья.

Этот приторно приятный голос стал намного бодрее. Казалось, я могла слушать его щебетание целую вечность. Он обхватил мое запястье и перевел взгляд на лицо, затем медленно, оценивающе, с неким упоением обвел глазами нос и губы, спуская взор на шею, и добрался до руки. Действия парня казались столь наивными, не переходящими за рамки приличия, отчего живот скрутило. И эта трепетная дрожь. Но дрожь исходила не от меня: Кирилл наслаждался от будоражащего его затаенного трепета, касаясь пальцами моей кожи. Это чувствовалось в каждом его движении. Не могло столь безропотное смущение в глазах парня не встревожить меня. Я вдруг вскипела внутри, ощущая знакомый вкус ярости, щекотавший каждую струнку моего тела. Меня злило то, с каким душевным порывом он оценивал меня. Его искренность и преданность, светящаяся в глазах, заставляли меня чувствовать его превосходство надо мной. Напрячь глаза и рот в недовольной гримасе – это все, что могла себе позволить под его пристальным взглядом, чтобы прийти в себя и вырвать запястье из слабых рук Кирилла. Я была готова сбежать от этих великолепных очей и их необыкновенной магической силы покорять себе, завораживать и делать так, чтобы я забывала обо всем на свете. Выдохнуть я смогла только тогда, когда спазм минутной слабости прошел.

– Анна, – нежно произнес мое имя Кирилл, словно это слово было для него ценным сокровищем. Голос, эхом звучащий в моих ушах, тут же прогнал гнев – и я смиренно повернулась к нему в пол-оборота. – Я знаю, что мешаю вам, – запнулся он, сглатывая, будто слова давались ему с трудом. – Вижу, как обременяю вас.

Кирилл был прав. Было бы лучше, если бы я вообще его не встречала на своем пути, не спасала, отчего-то чувствуя, что должна это сделать. Но вслух я это не смогла сказать. Может, из-за того, что подошла Лили и легонько ущипнула меня за талию, а может, я в действительности не готова была его бросить в сложившихся обстоятельствах, ощущая нечто невероятное

внутри с его присутствием – вроде сильной связи, сродни магниту, притягивающему к себе против моей воли. Именно неосознаваемая сила притяжения привела меня тогда в аптеку, будто сама судьба требовала спасти его. Я пока не понимала природы этого необузданного желания сохранить жизнь Кириллу, но очень хотела узнать, отчего я теряю контроль и не могу сопротивляться. Какая сила манит меня покоряться и слушать его.

Ничего не сказав из-за состояния смятения, я отвернулась, чтобы собрать остатки своей воли, и отошла с Лили в сторону.

– Лили, солнышко, нам не выжить, если мы будем тратить время на случайных попутчиков.

– Знаешь? – скривила детское прекрасное личико сестра. – Еву и Марка привела ты. Я здесь ни при чем. – Это был тот аргумент, о котором я даже не подумала. – Брось, Анна, вместе веселее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.